

Пятница, 19 октября 2018

Прежде чем закрыть двери, Санти в последний раз бросил взгляд в зеркало заднего вида. На платформе никого не осталось. Последние дома Герники быстро остались позади. Перед его глазами, вдоль извилистой дороги, тонкими линиями были намечены очертания холмов. То тут, то там были разбросаны одинокие фермы, добавлявшие красные и белые штрихи в пейзаж. Это был прекрасный и безмятежный мир, где то и дело мелькали синева моря и бледно-желтые заросли осоки.

Рыбак с плетеной корзиной на плече и сигарой в зубах ждал, когда поднимут шлагбаум, чтобы продолжить путь. Санти легонько нажал на гудок локомотива в знак приветствия, и мужчина поднял руку в ответ. Чуть дальше из ухоженного сада виднелась женщина с округлыми бедрами, которая подняла голову, чтобы взглянуть на поезд. Машинист вообразил, как она осматривала вагоны в поисках знакомого лица. Это неизбежно: здесь все друг друга знали.

— Спасибо, — пробормотал Санти себе под нос.

После двадцати двух лет работы машинистом в метро Бильбао компания наградила его, переведя на линию Урдайбай. Не нашлось еще линии настолько чудесной и спокойной. После темных туннелей под городом и суеты на платформе в час пик одиночество этой ли-

нии, пролегающей между болотами и спящими деревьями, действовало как бальзам на душу.

Санти глубоко вздохнул. Он почувствовал, что жизнь улыбнулась ему.

Ему нравился этот край — здесь все до сих пор подчинялось природному ритму. На дворе XXI век, а жизнью в Урдайбае по-прежнему командовали приливы и отливы. Именно они вычерчивали контуры карты, где гармонично сочетались море и суша.

Под легкое дребезжание поезда мысли Санти перенеслись к дому. Похоже, дела улучшаются. У них с Наталией были трудные времена, но все возвращалось на круги своя. И скоро их ждет серебряная свадьба: нужно будет подумать, как это отпраздновать.

Дорога снова потребовала его внимания. Черный как ночь баклан пролетел над поездом и нырнул в зеленые воды, которые теперь простирались вдоль старой железной дороги. Секунду спустя птица появилась с серебристой рыбой в клюве и подбросила ее в воздухе, словно надеясь на аплодисменты редких пассажиров.

Наталии бы это понравилось. На мгновение Санти представил, как она сидит рядом с ним в поезде. Это против правил, но разок же можно. Жена это заслужила, и он тоже — не зря же он двадцать два года провел в недрах большого города. Что могло объяснить это лучше, чем красота, которую он ежедневно созерцал, управляя региональным поездом?

Наталия... Наталия... В его жизни не было ничего важнее. Ему больше некого любить — детей у них нет. Последний ухаб на дороге пройден, и теперь можно снова мечтать о том, как они состарятся вместе. Ее взгляд, ее улыбка...

Ее облик появился по другую сторону стекла, сливаясь с пейзажем. Она, конечно, улыбалась. Ей нравились его планы.

Видение было настолько правдоподобным, что пришлось моргнуть, чтобы вернуться в реальность.

Когда он открыл глаза, Наталия была все еще там, она сидела на стуле посередине пути.

Санти перевел взгляд на ее губы и понял, что она не улыбалась. Она кричала. Кричала изо всех сил, и, несмотря на шум поезда, машинисту удалось это слышать.

Все произошло очень быстро, хотя в сознании Санти это происходило в замедленной съемке. Поезд неумолимо поглотил разделяющее их расстояние.

— Нет! Наталия, нет! Уйди отсюда! — вопил машинист, дергая рычаг аварийного тормоза.

Пронзительный металлический скрежет, поезд резко дернулся. Через дверь донесся жалобный стон какого-то пассажира — резкая остановка застала его врасплох.

Взгляд Санти был прикован к жене — в ее глазах читался невероятный ужас, отражение его собственного. Слишком поздно. Поезд не сможет так резко остановиться. Наталия была обречена.

— Уйди с дороги! — умолял ее Санти, вскидывая руки к лицу. Голос у него был сиплый и надсадный. — Прочь! Давай же!

Бесполезно. Веревки, которыми она привязана к стулу, не позволили ей двигаться. Ей оставалось лишь кричать. Кричать и ждать, пока поезд ее мужа завершит свой путь.

2

Пятница, 19 октября 2018

— Ты готов? Зрелище не самое приятное, — предупредила Хулия, дернув ручник.

Рауль на пассажирском сиденье поморщился. Присшествия на железной дороге особенно неприят-

ны. Поезда безжалостны к человеческому телу, когда встречают его на своем пути.

Капли на лобовом стекле были окрашены в голубой — цвет огней патрульной машины, которая защищала место происшествия от любопытных глаз. Прежде чем выйти из машины, двое полицейских обменялись смиренными взглядами. Они знали, что им предстоит: обойти железную дорогу в поисках улик и останков. И, конечно же, самое главное на тот момент: опознать жертву и уведомить родственников. И без того нелегко постучать в дверь и сообщить о смерти близкого человека, но сообщить о возможном самоубийстве будет еще мучительнее. Как объяснить кому-то, что его ребенок, сестра или муж выбрал путь, из-за которого всю семью поглотит неизбежное и трудно-преодолимое чувство вины?

Хулия ощутила на лице капли дождя. Зима пришла рано. Куда подевался ветер с юга, обычный для этого времени года? Хорошо хоть, подумала она, глядя в небо, что до заката еще пара часов. Пусть свет серый и неяркий, но это все равно свет. Столкнуться с ужасной картиной при свете дня и при свете фонарей — это не одно и то же.

— Тут у нас муж. Он безутешен, — сообщил патрульный, охраняющий полицейский кордон.

— Муж? — переспросила Хулия, морща лоб. — Кто ему сообщил?

— Никто. Он был здесь, когда мы приехали. Он тот самый машинист.

Хулия и Рауль, оба в штатском, как принято в отделе расследований, озадаченно переглянулись. Зачем бросаться именно под тот поезд, которым управлял твой муж? Пригнувшись, они прошли под сигнальной лентой, ограждающей место преступления, и направились к машинисту. Одетый в форму «Эускотрен», он рыдал навзрыд, прислонившись к бетонной стене.

— Он наотрез отказывается идти с нами, — объяснил один из санитаров, присматривающих за ним.

— Наталия... Почему она? Наталия... — бормотал машинист. Белый пригородный поезд на узкоколейной железной дороге в нескольких шагах от него оставался равнодушным к его стонам. В воздухе витал запах железа и ржавчины — безошибочный признак железнодорожных аварий.

Хулия положила руку ему на спину.

— Примите наши соболезнования. Мы понимаем, как вам сейчас нелегко. — Со стороны могло показаться, что это простая вежливость, но она на самом деле все это чувствовала. Слова царапали горло, и ей тяжело было выговорить два слога подряд.

Машинист легонько кивнул и рукавом пиджака вытер слезы.

— Она сидела там. На середине пути, — указал он потерянными глазами. — Кто...?

Его вопрос потонул в новом приступе рыданий.

— Ну же, пожалуйста. Вы должны поехать с нами, — настаивал медик «Скорой помощи».

С хвостовой части поезда подошел полицейский. Под его ногами хрустел щебень.

— Ее привязали к стулу, — сообщил он, показав правой рукой на другое запястье. — Здесь и за лодыжки.

При этой новости Хулия встрепенулась. Это все меняло. О самоубийстве можно забыть.

— Убийство, — пробормотала она сквозь зубы и перевела взгляд на напарника.

Рауль фотографировал поезд. Со своего места Хулия не видела переднюю часть, но ей нетрудно было представить кровавое пятно.

— Я не смог затормозить, — рыдал машинист.

— Где она? — спросила Хулия у полицейского, который принес новости.

— Там, метрах в восьмистах. Тело уцелело.

Бросив на него укоризненный взгляд за бестактность, Хулия повернулась к машинисту и сказала:

— Мы поймаем того, кто сотворил это с вашей женой.

— Я не смог затормозить вовремя. Не смог, — бормотал машинист.

— Пожалуйста, отправляйтесь с ними, — умоляла его Хулия, указывая на сотрудников «Скорой помощи». Рядом с ними прохаживались единственные семь пассажиров поезда, они заметно нервничали. Двое полицейских и несколько санитаров руководили эвакуацией. — Они позаботятся о вас. Мы побеседуем с вами, когда вам станет лучше.

Хулия подошла к месту аварии и набрала номер полицейского управления. Нужно предупредить Сильвию — психолога, которая обычно их сопровождала, и проинформировать семьи, чтобы она смогла поехать в больницу.

— Что, если это не ее муж? — отметил Рауль, приблизившись к ней.

Хулия понимала, что он имел в виду. Она тоже думала об этом. Из-за шока от столкновения человек мог не разглядеть лица жертвы и представить на ее месте кого-то близкого. Возможно, это именно та ситуация. Но едва ли это что-то меняло. Кто-то хладнокровно убил женщину на железнодорожных путях.

— Мы скоро узнаем, — вздохнула Хулия, представляя, как все было. Грохот приближающегося поезда, дрожь путей, ощущение, что ты связана по рукам и ногам, и беспомощное ожидание, пока этот железный зверь не сметет тебя на своем пути. — Это был настоящий кошмар для женщины.

— Для Наталии, — уточнил Рауль, припоминая слова машиниста.

— Скоро узнаем, она ли это. — Хулия помахала рукой патрульному, охраняющему труп.

— Тело уцелело, — сказал он им вместо приветствия.

— Да, нам уже сказали, — перебила его Хулия, склонившись над трупом. При столкновении стул развалился на несколько частей, но тело жертвы избежало этой участи, хотя последствия аварии очевидно прослеживались на ее лице и других частях тела.

— Повезло, — сказал Рауль.

Хулия нахмурила брови: в правой руке жертва сжимала цветок. Пара лепестков облетела, но его нельзя не узнать. Это был тюльпан. Красивый красный тюльпан, который почти слился с кровью, залившей джинсовую куртку убитой.

— Как странно, — пробормотала Хулия. — Она сжимала цветок с такой силой, что он даже при аварии не выпал из руки.

Дождавшись, пока Рауль сфотографирует тюльпан, Хулия потянула цветок за стебель. Необходимо упаковать его. Возможно, это улика.

— Приклеен. Проклятье, вот почему он не выпал... Его приклеили к ладони! — Она никогда не видела ничего подобного. Дрожь пробежала по всему телу. Придя в себя, она провела рукой по волосам жертвы, будто пытаясь вернуть ей тот вид, который был у нее до того, как ее жестоко лишили жизни. — Что они с тобой сделали? Кто привел тебя сюда? — Она отрицательно качнула головой. Убитая уже не ответит.

Хулия вздохнула. Всего несколько часов назад она каталась на серфе по волнам в Мундаке и представить не могла, что этот день закончится так трагически.

— Судмедэксперт уже здесь, — сообщил Рауль.

Хулия не ответила. Она шагала вдоль путей в поисках места аварии. Между рельсов, там, где поставили стул, валялся красный лепесток. Нужно забрать его в качестве улики.

— Что это там? — спросила она внезапно. К одному из столбов контактной сети простой клейкой лентой было примотано что-то золотое.

Подойдя ближе, она увидела уменьшенную копию себя. Обнаружение собственной гримасы на экране мобильного телефона озадачило ее. Сигнал записи был включен.

— Какого черта...?

— Сумочка у меня, — сообщил Рауль, приближаясь к ней. — Что это? Что там делает телефон?

Хулия его даже не слушала. Она в ужасе уставилась на экран устройства.

Из оцепенения ее вывела знакомая мелодия — зазвонил мобильный. Хулия механически достала его из кармана и приложила к уху.

— Что случилось?

— У нас есть новости. — Это из полицейского управления. — Преступление транслировалось в прямом эфире на «Фейсбуке». Вся Герника шокирована.

Хулия медленно кивнула. Она потянулась рукой к кнопке, чтобы остановить трансляцию. Затем сняла клейкую ленту и положила телефон в пакет для улик. Она никогда не видела ничего подобного. Тюльпан, стул на середине путей, трансляция... Все это выглядело зловеще.

Рауль показал ей удостоверение личности.

— Похоже, это и в самом деле жена машиниста... Наталия Эчано, — прочел он вслух. — Шестьдесят первого года рождения. Ей пятьдесят семь лет.

Хулия бросила взгляд. Фотография казалась смутно знакомой.

— Наталия Эчано, — задумчиво повторила она. Где-то она уже слышала это имя. — Черт, ну конечно, это же та самая, с радио...

— Ого! С «Радио Герника»!

Наталия Эчано — не кто-то там. Она знаменитая журналистка, ведущая утренней программы — самой рейтинговой в Гернике и ее окрестностях. Хулия фыркнула. Пресса будет следить за каждым их шагом и то и дело спрашивать, как продвигается расследование. Это будет непросто.

— Отстой! — воскликнула она, шлепнув себя по лбу. Еще одна деталь, которая все усложнит. Во много раз.

3.

Суббота, 20 октября 2018

Один оборот ключа — и дверь открылась. Ане недовольно фыркнула. Это означало одно — брат дома. Андони переехал сюда всего две недели назад, но кажется, будто с тех пор прошло уже много лет. До его приезда эта квартира с видом на площадь, которая вела от Пасай-Сан-Хуан к морю, была лучшим местом в мире.

— Спокойно, — сказала она себе.

После пяти лет жизни в одиночестве нелегко делить квартиру с кем-то. И хуже всего то, что она сама настояла на его переезде, узнав о постоянных ссорах брата с матерью.

Теперь она, конечно, жалела об этом.

Это непросто — когда возвращаешься усталой из полицейского управления, а дома на всю громкостью включен телевизор, где крутят очередной сериал от «Нетфликс»: Андони смотрит их запоем. И как это у него получается не выходить из дома целыми днями, проглатывать серию за серией и безостановочно курить? Он даже не может открыть окно, чтобы проветрить комнату от табачного дыма... Это если он курит табак, но если кошелек позволяет, он злоупотребляет косяками.

Сестеро тоже была молодой. Черт возьми, она все еще молода, и да, ей доводилось курить не только табак, но она, по крайней мере, делала это на балконе, чтобы не мешать тем, кто живет с ней под одной крышей.

Она попыталась успокоиться, чтобы не скандалить, но стоило ей открыть дверь, как в лицо ударило облако дыма.

— Я вернулась, — крикнула она, прикусив язык, чтобы не сказать лишнего с самого порога.

— Как на работе? Слушай, тут пришли Ибай и Ману. Мы закажем пиццу на ужин. Если хочешь... — раздался голос брата из гостиной.

Сестеро поморщилась, снимая рабочие ботинки. Она подумала о родителях. Кажется, позвать брата к себе жить было не такой уж хорошей идеей. Ему всего девятнадцать лет, на девять меньше, чем Сестеро, а она жила в родительском доме до двадцати четырех.

— Ужинайте спокойно. Я схожу перекусить, — заявила она.

Спустившись по лестнице к выходу, она оказалась на площади. Свежий, насыщенный солью воздух пробрался сквозь ноздри и умиротворил ее. Олайя, одна из ее лучших подруг, если не самая лучшая, помахала ей рукой. Она сидела возле двери «Итсаспе», одного из баров на этой морской площади, докуривая самокрутку. Чуть поодаль еще одна неразлучная подруга Ане Сестеро, Нагоре, безостановочно жестикулируя, болтала по телефону.

— Я сыта по горло его присутствием в доме, — заявила Сестеро, подкрепив свои слова соответствующим жестом.

— Ну а я только рада, потому что теперь мы с тобой куда чаще видимся, — смеясь, кивнула Олайя.

— Неправда, — запротестовала Сестеро, хотя знала, что подруга права. До того как Андони переехал,

она иногда днями никуда не ходила после работы. Теперь же, наоборот, она каждый вечер спускалась в бар, чтобы избежать разговоров. Иногда она перехватывала сэндвич или что-то из закусок и поднималась домой прямо перед сном.

— И как долго он собирается оставаться? — спросила подруга.

Сестеро пожала плечами.

— Навсегда, полагаю. У него столько же прав жить здесь, как и у меня. Это квартира нашей бабушки, а не моя собственная. Хуже всего то, что раньше мы отлично ладили. Вплоть до того, что я сама предложила ему переехать.

Нагоре закончила болтать по телефону и подошла к ним.

— Я тебе уже рассказывала про субботу? — спросила она, ткнув Олайю кулаком в плечо.

Сестеро покачала головой.

— Только не говорите, что стоило мне разок не сходить на вечеринку, как я пропустила что-то важное.

Олайя залилась грудным смехом.

— Я целовалась с парнем.

У Сестеро отвисла челюсть.

— Да ну? И теперь ты в сомнениях?

— Еще чего...

— И? — Детектив горела желанием узнать больше.

С тех пор как в восемнадцать лет ее подруга начала встречаться с девушкой, она всегда предпочитала женщин.

Нагоре с веселым видом села рядом с Олайей.

— Было неплохо, — она раздраженно взмахнула рукой, — но эта сучка его у меня увела. Мы обе с ним болтали, и вместо того чтобы оставить его мне, она забрала его с собой. В любом случае...

— Ну мы кое-чем занимались... Но вы не хотите знать подробности. Сплетни!